

Поэтому лавка пока что продолжала работать без особых успехов, но и без провалов.

Видеть, как множество блестящих идей остаются нереализованными из-за отсутствия денег, было для Линь Яньсина настоящей мукой.

С тех пор как он поступил в окружное училище, он почти не занимался учебой, постоянно думая о том, как найти среди купеческих семей «жирного барана», чтобы получить начальный капитал для своего дела.

Но у него не было ни знатного происхождения, ни широкой известности, и он не мог использовать других в своих целях, поэтому пока что мог только нервничать.

Линь Яньсин даже начал сожалеть о том, что на поэтическом собрании на реке, желая произвести впечатление, он «сочинил» «Сказ о любви к лотосу», что необоснованно навлекло на него обвинения в плагиате.

Из-за этого он не мог сразу же развернуться в полную силу.

Но он ни за что не признался бы, что, увидев удельного князя Чжэ, представителя императорской семьи, он почувствовал желание взлететь вверх.

Он просто считал, что удельный князь Чжэ и другие невежественные люди не смогли оценить его «талант».

Сейчас Линь Яньсин находился в конце списка сдавших экзамен туншэн и больше не рисковал своей репутацией.

Если бы завистливые недоброжелатели снова оклеветали его, Линь Яньсин даже не мог представить, что его дед мог бы сделать что-то жестокое, считая это «справедливым возмездием».

Он изначально планировал, что через год-два, когда шумиха утихнет, он выберет пару менее заметных стихов, которые выделяются своей атмосферой и настроением, чтобы немного повисить свою известность.

Тогда до осеннего экзамена оставалось еще три года, и им не нужно было сдавать государственные экзамены, и это было бы подходящее время, чтобы создать себе имя «гения».

А через два года он продолжит «сочинять» известные строки, и тогда все, кто сплетничал за его спиной, окончательно замолчат!

С таким талантом разве не найдутся люди, которые, движимые выгодой, станут пресмыкаться перед ним?

Но все это было разрушено тоненьким сборником стихов!

Линь Яньсин листал страницу за страницей, и чем больше он читал, тем больше ужасался.

Все двенадцать стихотворений в сборнике были известными произведениями Ли Бая — то есть кто-то раньше него опубликовал эти стихи, причем под настоящим именем Ли Бая!

Сейчас Линь Яньсин испытывал страх, досаду и гнев по отношению к этому человеку.

«Как же так?! Здесь есть кто-то еще?!»

Он боялся, что в этом месте есть кто-то, кто, возможно, пришел из того же времени, что и он, и обладает такими же «знаниями» и «способностями», а значит, они оба — избранные небом, и если они захотят «покорить мир», им придется конкурировать друг с другом.

Он сожалел о том, что сам не опубликовал стихи Ли Бая раньше, чтобы захватить инициативу и прославиться.

А его гнев был направлен на то, что этот потенциальный «земляк» оказался настоящим дураком.

«Он просто упустил такую прекрасную возможность прославиться, превратив эти стихи, которые могли бы стать их помощниками, в пустые слова!»

Даже если Линь Яньсин мог бы запомнить другие стихи Ли Бая и произведения других великих поэтов, если этот «земляк» окажется дураком и попытается разоблачить его, то он сам себе выкопал яму!

Этот путь к славе был перекрыт, и Линь Яньсин чувствовал себя крайне подавленным.

Этот поступок был похож на то, как Линь Яньхун продал лавки, выбив у него почву из-под ног!

Прошло больше месяца с момента выхода сборника, но никаких новостей о поэте не появилось. Где он родился, какова его жизнь — никто не знал.

Линь Яньхун однажды предположил, что это отшельник, который был знаком с предками семьи Линь, иначе его стихи не сохранились бы в древнем нефрите.

Но он осторожно выспрашивал у своего дяди Линь Цзюаня, писал отцу Линь Фэну и даже упоминал в письме к Линь Цюндэ о «чудесном событии» в Академии Цинтун, но не получил никакого особого ответа.

Поэтому он не мог быть полностью уверен в своем предположении.

Хотя оставалось много вопросов, Линь Яньхун был в хорошем настроении.

Он не хотел, чтобы эти стихи оставались в забвении, чтобы ими воспользовались мошенники, и теперь, когда они увидели свет, он чувствовал себя крайне уважаемым.

Предполагая, что Линь Яньсин, увидев этот сборник, будет шокирован и в ближайшее время не осмелится действовать, Линь Яньхун наконец смог расслабиться и продолжить переводить древние свитки, записанные древней письменностью царства Юн, из нефрита.

Ли Цзинчэн, увидев, что у него есть настроение читать ему перед сном, понял, что он в хорошем расположении духа, и, накинув одеяло, улегся на его ноги, не отрывая взгляда от его рта.

Это была привычная поза волчонка, но когда ее принимал взрослый человек, это выглядело немного странно, да и места было маловато.

Раньше Линь Яньхун, занятый переводом древних свитков, был крайне напряжен, полностью погружен в работу, и даже учеба в Зале Чжисюэ немного пострадала, поэтому у него не было времени на привычные вечерние ритуалы с волчонком.

Теперь он взял книгу, чтобы почитать Ли Цзинчэну, как бы в качестве компенсации, но этот

жест вызвал у него странное чувство неловкости и легкой паники.

Линь Яньхун осторожно приподнялся, пытаясь освободить ноги, но его крепко держали, и он не мог пошевелиться. Он посмотрел вниз и увидел, что Ли Цзинчэн смотрит на его рот, словно очень внимательно слушает, как он читает, его красивое лицо излучало детскую невинность.

— Вставай... когда читаешь, нужно сидеть правильно, а так ты совсем распустился, — он сказал это, пытаясь отодвинуть одеяло, которым укрылся Ли Цзинчэн.

Но тот даже не пошевелился, а, наоборот, всей своей тяжестью прижался к ногам Линь Яньхуна и спокойно возразил:

— Я сплю.

Только тогда Линь Яньхун вспомнил, что они сейчас не на уроке.

«Это просто чтение перед сном, и, наверное, не нужно сидеть так прямо, как в Башне Императорских Книг...»

Линь Яньхун сдался и, подумав, сказал:

— Тогда сядь поудобнее... так... так жарко.

Был уже август, и хотя Академия Цинтун находилась на горе Цинтун рядом с озером Фэнси, лето было в разгаре, и ночи не были прохладными.

Лед, который академия предоставляла студентам, использовался в библиотеках и лекционных залах, и многие студенты из богатых семей, не выдерживая жары, приказывали слугам покупать лед, и академия не препятствовала этому.

Фраза «Небо, готовя человека к великим свершениям, сначала испытывает его сердце, утомляет его тело, морит голодом и лишает всего» была не для всех и не всегда.

В комнате Линь Яньхуна жил наследник князя Юй, и хотя он сам, благодаря своему телосложению и древнему нефриту, не боялся жары, но не мог допустить, чтобы Ли Цзинчэн, особенно волчонок, страдал от нее, поэтому в его комнате использовали много льда.

Линь Яньхун нашел неубедительный «предлог», и Ли Цзинчэн, не отрывая от него взгляда, наблюдал, как его уши краснеют, прежде чем «послушно» подчиниться.

Превратившись в человека, он не успел одеться, и Ли Цзинчэн сел, завернувшись в тонкое одеяло, обнажив часть груди, которая в тусклом свете свечи казалась полупрозрачной.

— В последние дни ты не выходил со мной, Няньбэй учит тебя боевым искусствам? — спросил Линь Яньхун, стараясь не смотреть на него.

Теневой страж, скрывающийся под именем Няньбэй, приехал с ними в Юньтун, чтобы защищать наследника князя Юй, а также учить его боевым искусствам.

Как единственный сын князя Юй, охраняющего северные границы, Ли Цзинчэн однажды должен будет вести войска против демонов на границе Лян и Юн, и когда он был маленьким, он не мог принять человеческий облик, поэтому обучение боевым искусствам было невозможно, но теперь он мог контролировать состояние Возвращения Души Предка, и многое уже можно было начинать.

Линь Яньхун слышал об этом однажды, но не придавал этому значения, а теперь, имея время и силы, решил спросить об их успехах.

Прежде чем он получил ответ, перед его глазами внезапно появилась рука.

<http://bllate.org/book/17693/1651481>